

Возраст выбора

Шамиль Газибегов

Шамиль Газибегов

Возраст выбора

«Автор»

2026

Газибегов Ш.

Возраст выбора / Ш. Газибегов — «Автор», 2026

Шестнадцатилетний Ислам живёт в Махачкале и хочет стать фотографом. Но его ограничивают родители, которые запрещают пользоваться смартфоном и соцсетями. В его жизни есть только учёба, тренировки и любимое хобби. Он сдержан и почти ни с кем не общается в школе. Эмоциональная Камилла из параллельного класса — его противоположность и дочь школьной директрисы. Она мечтает об актёрской карьере, но родители видят её будущее только в медицине, а другие ученики не воспринимают всерьёз. Но всё меняется, когда Ислама втягивают в школьный спектакль, который Камилла собирается поставить ради победы в пари с матерью.

Содержание

ЧАСТЬ I	5
Глава 1 // Ислам	5
Глава 2 // Камилла	12
Глава 3 // Ислам	19
Глава 4 // Камилла	25
Глава 5 // Ислам	29
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Шамиль Газибегов

Возраст выбора

Посвящаю моим родителям, благодаря которым я люблю читать.

ЧАСТЬ I

Глава 1 // Ислам

Он ведь даже не подозревает, что я его обманываю.

Обжэшник что-то диктует, а я делаю вид, будто пишу конспект. Наверное, меня можно понять — тут дико скучно. А ещё это последний урок. Все нормальные челы с него свалили, а я остался с такими же нерешительными, как я. И пожалел, ведь первые десять минут на нас орала буквально за то, что остальные не пришли. Хотя... лучше бы он продолжал кричать. Это всё же наименее унылая часть его занятия.

Даже хорошо, что Тимур подкинул эту тему с ведением дневника. Он говорит, что если буду много писать, то со временем стану это делать всё лучше и лучше, мол, это отлично скажется на моих сочинениях. Без понятия, как мне помогут сдать экзамен эти заметки о каждом прожитом дне. Ну, чисто всякие рутинные штуки. На какие уроки ходил? Какие кадры сделал? Что ел? По какому поводу от отца по шее получил? Как себя в связи с этим чувствовал?

Я привык слушать Тимура. Вот он, в отличие от многих, всякой фигни не советует. Просто его предложение было для меня неочевидным, а люди просто а-ша-леть как любят рекомендовать одно из двух: либо что-то предсказуемое, либо что-то идиотское.

Вот как раз с очевидными примерами часто сталкиваюсь в школе. Помню случай, который меня разозлил. Недавно сидел дома и допоздна читал книжку. Честно сказать, меня она вообще не заинтересовала, но училка стала мусолить её из урока в урок, так что пришлось всё же открыть её и читать, напрягая свои глаза. На следующий день пришёл на урок подготовленным, а он, если что, стоял в расписании последним. А урока (вот это сюрприз!) не было, потому что нас с параллельниками согнали в актовЫй зал слушать лекцию каких-то студентов-практикантов. Они раскачивали за вред алкоголя, курения и других сомнительных вещей (осуждаю эти вредные привычки, разумеется) с такими лицами, будто сделали научное открытие, которое изменит мир.

С идиотскими советами чаще сталкиваюсь в семье, но об этом напишу позже. Сейчас уже сил особо нет; просто наблюдаю за тем, что происходит. Пузато-усатый Омар Омарыч (богатая фантазия у его родаков) с невозмутимым видом рассказывает что-то о чрезвычайных ситуациях, хотя его никто не слушает. Заира, соседка по парте, редко со мной болтает; вот сейчас, например, она без палева (разместила айфон в пенале) смотрит выпуск «Пусть говорят», который половина школы в последние дни почему-то не перестаёт обсуждать. Я за таким контентом не слежу, но всё же невольно в курсе, что суть истории заключается в чьих-то скандальных похождениях на какой-то вписке. «Самый хайповый мем начала две тысячи семнадцатого года», как говорят мои одноклассники.

Похоже, в теме даже учителя. Заметил это по взглядам, которыми они окидывали на переменах учеников, обсуждающих обстоятельства громкой вечеринки. Самое удивительное: в эти моменты их лица — лица взрослых людей — окрашивались в до безобразия красный цвет.

Ну то есть им всё это почему-то было дискомфортно слышать. Будто они стараются делать вид, что никаких таких вещей в природе и близко нет, и они не понимают, о чём речь.

А если подумать, я ничем их не лучше. Мне вот шестнадцать лет уже, но до сих пор при семейном просмотре кино начинаю всякий раз отвлекаться на что угодно, когда на экране возникают любовные сцены. Вряд ли кто-то, кроме меня, будет это когда-то читать, так что извинаясь за сравнение, которое сейчас сделаю, только перед самим собой из будущего, решившим перечитать эти каракули. Так вот, сравнение: это как блевать. Тут уже заранее понимаешь, что произойдёт через считанные мгновения. В случае с кинчиком понятно, что ещё чуть-чуть и герои наконец найдут дальше поцелуев; в этот момент встаю с дивана и иду в туалет, якобы мне надо отойти.

Поэтому я точно ничем не лучше взрослых-взрослых учителей. Ну, не считая того, что чисто статистически, скорее всего, умру позже, чем они. Хотя кто знает, может, когда ещё буду жив, а они уже нет, шандарахнет конец света, как в каком-нибудь фильме-апокалипсисе, и тогда выйдет, что мне всё же повезло меньше. Мб-мб. Не загадываю.

Поднял голову. Исписанная доска, над ней — круглые часы, слева от них — портрет главы республики, справа — портрет президента. Смотрят на меня с портретов так, будто знают, что я на уроке занимаюсь чем угодно, но не конспектированием темы. Перевёл взгляд на часы. Звонки прозвенит через минуту.

Откуда у нашей классухи столько энергии? В смысле, вообще не врубаюсь, с чего она решила поставить классный час в понедельник после последнего урока. Говорят же, что понедельник — тяжёлый день, всё такое. Ну и у меня понедельники обычно выдаются трудными. Поэтому удивился.

Но сюрприз пришёл оттуда, откуда не ждал: она отменила классчас. Свобода, ура. Как же предвкушал, что будет дальше: пойду на хату и жадно наброшусь на нормальную, полноценную еду. Не то чтобы я за ЗОЖ и всё такое. Просто тоже любил раньше набивать живот сладкими булками из столовки, либо ограничивался роллтоном, смешанным со специями. Это пища богов, но у неё есть ярко выраженная цена, заключающаяся в проявляющемся позднее гастрите. Мне, в отличие от многих о(дно)классников, наверняка удастся избежать этого диагноза.

Уже на выходе из школы открыл сумку и принялся аккуратно доставать вещь, к которой хотел прикоснуться весь день. Охранник посмотрел на меня, словно я вооружился оружием массового поражения, однако у меня в руках оказалось кое-что гораздо круче любой бомбы. Хотя нет, эта вещь — тоже своего рода бомба. Как минимум для меня.

Моя камера, конечно же. Только вот ради спокойствия в школе приходилось цеплять к ней ремень-фиксатор. Этот аксессуар вообще не раз спасал от всяких умников, которые регулярно подбегали на переменах и пытались вырвать компактный фотик прямо из рук. Более тактичные (если их так можно назвать) люди предваряли это действие риторическими вопросами: «дашь позирить?», «чё снимаешь?» и «сколько мегапикселей»? Они так достали, что теперь любимую «соньку» я вытаскиваю только после уроков, или вообще не приношу её в школу.

Так вышло, что я плохо снимаю людей. Зато мне неплохо даётся предметная фотография. Со всякими штуковинами обращаться легче, чем с людьми, потому что они никогда не подбегут и не скажут «ээээ, удали быстро» и по-любому не откажут в съёмке. О, а ещё никогда не просят переснять, если им что-то не понравилось. Мне же нравится, когда я сам решаю, крут снимок или нет. И часто не приходится опираться на чужое мнение. Так что да: я и правда удачнее сниму скорее камни на побережье Каспийского моря, чем какого-нибудь человека.

В этом ведь и весь прикол: сегодня взял свою Sony специально для того, чтобы потренироваться в умении классно снять какого-нибудь пацана или девчонку. А школьный двор —

самое удачное для этого место. Тут есть большой простор для того, чтобы снять достойный, но при этом не постановочный кадр. Мне в натуре так казалось.

Но удача пришла не сразу. Куртки, куртки, куртки — все одеты в какие-то до уныния страшные и однотипные куртки; у пацанов — чёрные, а у девочек — белые. Что тут можно снять интересного? Да и зимняя погода сегодня типичная для Махачкалы: ни снега, ни других осадков, зато ветер такой сильный и обжигающе холодный, что задумываешься над тем, как вообще живущие в Сибири люди справляются с окружающими их минусовыми температурами. Увы, не могу дать ответа на этот вопрос, ведь география мне что-то не очень нравится. Особенно бесит заполнять контурные карты.

Среди ждущих родаков пятиклашек (а вот я в их возрасте уже сам домой ходил!) и грызущих сухарики «Три корочки» подростков наконец выцепил хоть что-то потенциально интересное. Двух девочек. Хотя они, скорее, уже девушки, которым дома постоянно говорят что-то вроде «ты уже взрослая дЭвУшкА».

Так вот. Наверное, я и не стал бы наблюдать за этими «дЭвУшкАми», которые неподалёку от меня укромно примостились под расположенным на территории школы крупным деревом. Одной из них была Диана — моя одноклассница. Она довольно нормально ко мне относится, хоть и обзывает меня Паркером. Ну, раз я фотограф, то почему-то кошу под главного героя «Человека-паука». Я это сравнение не одобряю. Во-первых, я не очкастый; во-вторых, меня за всю жизнь только один раз укусила пчела, а пауки, увы, не кусали; в-третьих, мне больше нравится Железный Человек. Но я уже привык, а её в ответ называю Усатым, потому что раз она обращается ко мне как к Паркеру, то пусть возьмёт на себя роль того усатого редактора газеты, имя которого всегда забываю. Ей тоже пришлось привыкать, так что мы квиты.

Но моё внимание привлекла не Диана, а её подруга из параллели. Зовут её Камиллой. Вот она мне кажется высокомерной. Нет, её грех состоит не только в том, что она на пару с Усатым при каждом удобном случае называет меня Паркером. Просто это проявляется в мелких чертах её характера. Она ведёт какую-то группу школы в социальных сетях, причём официальную. Снимается в разных роликах обо всём и ни о чём. То есть она буквально, как говорят пацаны, «пытается пробиться», или, как, возможно, сказанул бы Чацкий, «прислуживает, но не служит». А по Грибоедову прислуживаться ведь тошно.

Слышал такую историю: однажды она обиделась на какого-то чувака, который монтировал видео с её участием. В титре он написал «Камила» вместо «Камилла», что её почему-то сильно задело. И она так ему во всеулышание это предъявила, что я раз и навсегда запомнил, как правильно пишется её имя.

Сейчас она была словно сама не своя: обычно ходит вся такая показательно серьёзная и холодная, а сейчас о чём-то разгорячённо рассказывает Усатому, приправляя речь обильным жестикулированием. Почему бы и не заснять?

Аккуратно, не привлекая лишнего внимания, крадусь сзади, за дерево, чтобы занять более-менее удобную позицию для съёмки. Теперь беру фотик в руки, врубаю его, и за то время, что жду включения, успеваю насладиться его компактностью. Может зеркалки и реально снимают круче, но мне важна именно мобильность.

Загорается интерфейс. Беру, и, пока ещё есть время, быстро выкручиваю нужные настройки. Активирую режим приоритета диафрагмы, чтобы создать эффект размытого фона, а ISO выставляю на уровень 200 — света на улице всё же достаточно.

Теперь самое главное — успеть сделать кадр, пока развернувшийся передо мной сюжет ещё не окончился. Аккуратно зумирую изображение и ловлю, что нужно: Камиллу, которая наконец застыла, хоть и на считанные секунды. Ещё мгновения назад она остервенело что-то рассказывала, а теперь молчала и смотрела на свою собеседницу с уже безумно грустным выражением лица, по которому стекали слёзы. Эти моменты могли показаться стремительными для обычного человека, но для меня, как для фотографа, они выдались напряжёнными

и нервными. Я, затаив дыхание, быстро сделал целую серию снимков, рассчитывая, что хотя бы один из них окажется хоть на процент удачным.

Забыл, каким словом обозначают чудиков, втихаря наблюдающих за тем, чем занимаются другие люди — надо будет спросить у Тимура. Может быть, он знает. Наверное, чисто технически этот неизвестный мне ярлык можно навесить и на меня. Но, блин, я же фотограф. А любой приличный фотограф знает, что постановочные кадры — самые отстойные, а спонтанные — самые классные. Именно поэтому так бесят эти мужики, которые каждую осень-зиму совершают рейды по старшим классам и предлагают заснять сюжеты для выпускной виньетки. Эти коллективные и одиночные снимки в альбомах всегда тупо смотрятся. Но самое ужасное, что людям это нравится, и они с радостью несут деньги этим бизнесменам. Они успешно продают моим ровесникам идею ностальгии, которой ещё как бы нет, но которая обязательно возникнет в будущем. Ну, вот все эти истории, про то «как круто через десять-двадцать-тридцать лет взять альбом в руки и вспоминать молодые годы». Учителя, понятное дело, с радостью это поддерживают.. А мне что остаётся делать? Только закатывать глаза.

— Эй, Паркер!

Размышления, посетившие мою голову за просмотром свежесделанных снимков и совершением тактического манёвра, нарушил голос Дианы. И тон её был не очень приятным.

— Ты нас снимал, что ли?

Она, казалось бы, просто уточнила, но её уточнение звучало как уверенное «ты нафига нас снимал без нашего разрешения, придурок?». Но я был готов к этому и быстро ответил:

— Усатый, я же говорил тебе, что людей я не снимаю. Я снимал только это дерево и всё такое, могу показать.

Тут в разговор ворвалась Камилла, щёки которой ещё оставались влажными:

— Паркер, а какой смысл делать фотки дерева зимой, когда на нём никаких листиков нет? Что тут интересного? Дай посмотреть.

Вот я и показал им унылые снимки дерева, неба и асфальта. Некоторые фотки специально сделал так, чтобы девочки на них чуть-чуть попадали в кадр; их они и попросили удалить.

Удостоверившись, что я стёр эти самые снимки, Диана сказала:

— В следующий раз предупреждай хотя бы, что снимаешь. А вообще для приличия хоть раз бы сделал бы нам фотосет... а, ты же людей не снимаешь.

— Скажи спасибо, Усатый, что я тебя вообще за человека считаю — пошутил я.

Они хором, не сговариваясь, ответили:

— Ой, да иди ты...

И ушли сами. А я был доволен тем, что вот так ловко осуществил свою задумку со съёмкой.

После школы было плавание.

Мне кажется, любой человек может похвастаться тем, что умеет делать что-то не вполне стандартное. Проблема в том, что в реальной жизни подобные умения обычно никогда не пригождаются. Я называю эти навыки полезно-бесполезными.

Наверное, у меня только один полезно-бесполезный навык: вообще не боюсь холодной воды. Могу, не дрогнув, хоть полчаса без остановки стоять под ледяным душем. Когда рассказываю об этом, люди смотрят на меня, как ошпаренные; говорят «вау» и «вот это тебе повезло», забывая, что за этой непробиваемостью скрываются многочисленные часы тренировок и десятки бесполезно потраченных, как говорят мои родители, литров воды.

А ещё это часть некоего складывающегося пазла под названием «Ислам Гаджиев и его жизнь».

Мои занятия литературой — это средство для покорения мира. Вернее, первый и важный этап на пути к вершине: круто сдаю экзамен, потом шикарно выполняю творческое вступитель-

ное испытание и поступаю в условную московскую Вышку, учусь и параллельно обзавожусь связями, а следом становлюсь популярным и зарабатываю кучу денег. Звучит как типичный план любого мечтательного провинциала, но мне, как фотографу, просто некуда деваться. Что тут, в Дагестане, вообще снимать, кроме свадеб, гор (и гор мусора), вида с Тарки-Тау, моря, пробок на Акушинке и попрошак у местного ЦУМа? Вопрос риторический.

Кстати, о фотографии — это мой способ познания мира. Жизнь нельзя поставить на паузу или перемотать назад, а порой ведь хочется оставить себе что-то на память. Люди из поездов часто привозят магнитики для холодильника, а я стараюсь уносить с собой застывшие на снимках и навсегда оставшиеся в прошлом моменты. И более всего показательно, что об окружающем мире больше говорят не люди, а окружающие их вещи. Они словно отражают всю суть происходящего и дают понять, что вообще творилось вокруг. Смотришь, например, на фотку с махачкалинского городского пляжа, и выходит, что она рассказывает тебе о проблеме доходчивее, чем десятки эоактивистов. Или сравниваешь на глаз снимки Каспийского моря от года к году, и складывается впечатление, будто с каждым разом воды там становится всё меньше и меньше.

Я не случайно снова подвёл к воде. Вода — это мой способ отчуждения от мира и вещь, делающая меня чуточку свободнее. Никогда не ходил к психологам, но думаю, что вода справляется в разы эффективнее. В один день она может во всех смыслах смыть стыд, в другой — наполнить энергией на весь день, в третий — успокоить перед отходом ко сну.

Не говоря уже о том, что бассейны — одни из немногих мест в нашей республике, где можно без лишнего общественного осуждения появиться в почти что обнажённом виде. Но, честно говоря, я и там до сих пор стесняюсь это делать, хотя занимаюсь уже парочку лет. Чему научился за эти годы? Хотя бы точно знаю, что у меня есть все шансы не утонуть где-нибудь в море или океане. Надеюсь, это умение мне никогда не пригодится на практике. Не хочу нервничать из-за воды; хочу получать от неё наслаждение.

Вот почему я никогда не мечтал стать спасателем-инструктором где-нибудь на пляже или в аквапарке. Зачем мне эта лишняя ответственность и постоянное напряжение? Но люди всё равно периодически упрасивают и подкалывают. Особенно пацаны. Они такие: лее, в смысле ты бы не хотел сделать дыхание «рот в рот» этой биксе N? Вместо «энки» можно подставить имя любой популярной девушки из школы, у которой за трёхмесячные каникулы нарисовались манящие формы, или симпатичной особы из лагеря, с которой мечтала станцевать на дискотеке половина отряда.

Так что бассейн для меня — это совмещение приятного с полезным, придающее мне больше сил, но от этого не добавляющее ни грамма дополнительной ответственности, а этим я более чем доволен. Дома, конечно, хотят, чтобы я участвовал в разных соревнованиях и вечно занимал первые места. А мне не хочется напрягаться, когда я плаваю брассом, кролем или баттерфляем. Просто хочу получать удовольствие.

Вот так и получается, что в моём распорядке дня неприятные занятия чередуются с интересными. Школа (неприятное), плавание (приятное), домашка (неприятное), фотография и книжки (приятное).

Но сейчас придётся возвращаться к наиболее неприятной части: идти на семейный ужин.

Базовый дагестанский опыт — родиться, вырасти, жить и умереть в семье, в которой не принято извиняться после конфликтов. Все разногласия решаются — а чаще всего каждый остаётся при своём мнении — за кухонным столом. Многие ещё идут гонять примирительные чаи в гостиной, однако у нас в квартире нет настолько просторной комнаты. Богатыми нас определённо не назовёшь, но и на бедность жаловаться не приходится.

Значимую часть семейного бюджета составляют деньги, которые отец поднимает на своём бизнесе. И это вовсе не такая вещь, которой хочется хвастаться всем в школе. Как раз

наоборот: именно в среде одноклассников стараюсь не распространяться о том, чем же занимается папа. Если бы вместо личного дневника писал какой-то мрачный триллер о семейных тайнах, читатели бы наверняка разочаровались, ведь ничего кровавого и страшного в далёком прошлом моего папы нет.

На самом деле отец держит небольшой, но уютный магазин канцтоваров недалеко от центра города. Это предмет его гордости («я поднялся с избергского маршрутчика до бизнесмена») и моих ежегодных головных болей в августе, когда меня припахивают помогать с магазином. Приходится отбиваться от всех подряд: как от безумных покупателей и их детей, так и от собственных знакомых, которые приводят своих родаков. А те, в свою очередь, с вопросом «вам/тебе жалко, что ли?» спрашивают чуть ли не стопроцентную скидку на основании того, что мы знакомы.

Но за исключением августа торговля идёт не то что бы очень успешно. Поэтому наш папа старается откладывать некоторую часть денег на «чёрный» день — мало ли что случится. Это часто становится поводом для его ссор с мамой, которую иногда злит, что нам нельзя просто так взять что-то из запасов и купить что-нибудь необходимое из мебели, техники, посуды и прочих относительно дорогих вещей.

Вот и за сегодняшним ужином произошла подобная история. Где-то в восемь вечера мы сидели и ели приготовленный мамой плов. Она сама, кажется, больше была увлечена не едой, а наблюдением за мной.

— Ислам, не сиди так. Выпрями спину.

Я быстро перевёл взгляд с тарелки на неё. Из-под очков на меня смотрели с очевидно уставшими и с не менее очевидно любящими глазами, зелёный цвет которых передался мне по наследству. Как тут вообще можно было возразить? Для показухи сделал недовольный вид, но всё же выпрямился. Тут отец добавил:

— Правильно тебе мать говорит. Ровно надо сидеть, а то потом как собака сутулая ходить будешь.

Я даже не успел ничего добавить, ведь мать выпалила в ответ:

— Расул, оставь да. Сам же нормально не сидишь. Купил бы ему лучше планшет. Он в рюкзаке каждый день чемодан учебников таскает — конечно, он так спину себе испортит.

Отец оставил вилку, уставился в тарелку и помолчал пару секунд. А потом ответил:

— Да зачем ему этот планшет? Только отвлекаться будет. Учиться надо по нормальным учебникам. Тем более, Лейла, у него же дома для уроков компьютер есть.

Бесит, что они говорят обо мне в третьем лице — так, будто меня за этим столом вообще нет. Я не выдержал и взорвался:

— Ну да, опять «нельзя, нельзя, нельзя». Чем я вообще хуже остальных? Почему мне нельзя ходить с нормальным телефоном и айпадом, а остальным можно? Я и так нормально учусь.

— У тебя тройка по алгебре. И геометрии. — огрызается он.

— Ну и что! Я всё равно профильную сдавать не буду.

— Да лучше бы ту эту математику сдавал и поступил бы на какого-нибудь программиста, чем о фигне всякой думать — продолжал он — оставь эти свои фотографии, ты не ребёнок уже.

На это отвечать не стал; уткнулся в тарелку, принялся и дальше клевать еду. Отец лишь украдкой строго взглянул на меня, вздохнул, и со словами «ты потом мне ещё спасибо скажешь», отряхнул руки, вышел из-за стола и оставил нас с мамой вдвоём.

Я оформил свою комнату в лучших традициях популярных фильмов и сериалов: завесил все стены. Но не постерами, а сделанными мной фотографиями. Хотя «завесил» — слишком

громкое слово. Скорее так: развесил некоторые свои снимки на пробковой доске, которая всегда оказывается в поле моего зрения, когда я сажусь за рабочий стол.

На одном из них — пеликаны, которые прошлой весной неожиданно прилетели к берегу Каспийского моря. Мне тогда очень повезло, что камера была с собой; вообще-то брал «соньку» по просьбе родителей, которые хотели, чтобы я снял тот совместный выходной. Сейчас смотрю на эту фотку и понимаю, что сделана она не очень удачно: снимок явно пересвечен, а горизонт слегка завален. На что вообще рассчитывал, фотографируя в полуденное пекло? Но всё же есть что-то в этом кадре. Пеликаны — крупные, величественные, вселяющие какое-то восхищение и оптимизм. Эта сплочённая стайка длинноклювых олицетворяет максимальное спокойствие и безмятежность.

Но мои новые фотки нравятся мне куда больше. Я перенёс сегодняшние снимки с карты памяти на ноут и начал рассматривать их. На пятнадцатидюймовом экране ноутбука фотографии всегда смотрятся куда лучше и детальнее, но я не ожидал, что то, что я сделал сегодня, окажется настолько качественным и трогательным.

Открыл папку и щелкнул на один из снимков. Камилла стояла перед Дианой, нервно прикрыв лицо руками. Открыл другой. Теперь её длинные волосы рассыпались по плечам мягкими волнами, выбиваясь из строгой укладки, с которой привык её видеть. На ней была белая (да, чёрт возьми, и у неё тоже такая) куртка поверх лёгкого тёмного свитера, такого же цвета брюки и слегка грязноватые кеды. Последнее для неё было нехарактерно, ведь она, кажется, всегда старается выглядеть максимально опрятно. Но, блин, должен признать, что даже в таком потрёпанном состоянии она выглядела очень хорошо. В реальности, конечно, ещё лучше, чем на моей фотке.

Её большие карие глаза наполнили слёзы, а уголки рта печально опустились. Лицо внушало что-то даже пострашнее отчаяния — такой её раньше вообще не видел. Иногда про людей говорят, что они могут лопнуть от злости. Она, скорее, могла разбиться, как нечаянно столкнутый со стола стакан.

Засмотрелся. Надо и себя похвалить... чего я это всё о Камилле да о Камилле? Наверное, такое эмоциональное и удачное фото — и моя заслуга в том числе. Всё сделал нормально, даже баланс белого на этот раз поймал правильно: фотка получилась тёплой, но естественной, без той холодной синевы, которая иногда проскальзывала при автоматическом режиме.

Чёткость снимка позволила мне заметить и некоторые другие детали. Вижу то, чего в моменте даже не заметил: у неё дико дрожали руки, а ветер трепал прядь у красноватой от потока слёз щеки.

И вот смотрю теперь на это фото и думаю только об одном: что, блин, такого случилось с Камиллой, что она так разнервничалась?

Глава 2 // Камилла

Мне вообще не понравилась «Гроза» Островского! И я не понимаю, зачем нам это проходить в десятом классе. Все персонажи какие-то странные. Даже вслух бы сказала, что они очень тупые и просто зашкварные, но учительница не любит, когда кто-то настолько прямолинейно оценивает персонажей.

Катерина максимально глупо поступила в концовке. Борис — ужасно нерешительный. И муж, который маменькин сынок, тоже не очень. Но ведь и сама Катерина похожа на них — она боялась разобраться со своими проблемами. В конце решила, что она не в состоянии с ними справиться, а игнорировать — тоже не вариант. И просто самоустранилась.

В середине осени вся школа грустила из-за смерти нашего историка, хотя само по себе это событие никого не удивило, так как он уже годился многим из нас в дедушки и даже в прадедушки. Вспомнила, как в пятом классе он, рассказывая нам про древних греков, то и дело использовал слово «тиран». Мелкой мне этот термин так понравился, что я стала его употреблять по поводу и без. Я не позволяла и не позволяю себе ругаться матом, так что именно это слово я превратила в своё коронное оскорбление.

Как раз про Кабаниху могу написать так: она явно тиранша. Напоминает мне мою мать, которая на ровном месте с ума сходит, если понимает, что что-то не может контролировать. По-моему, это даже звучит смешно: как можно пытаться контролировать других, если ты не можешь контролировать себя в состоянии, когда тебе не дают контролировать других? Но мамы начальники, знают мою маму хуже, чем я её. Поэтому она работает директором нашей школы.

Знал бы кто-нибудь, как меня злит, что я вынуждена чуть ли не всю осознанную часть жизни сталкиваться с людьми, для которых я — не Камилла, а всего лишь ребёнок директора школы. А когда хожу по школьным коридорам, украдкой слышу шёпот одноклассников, параллельников и других учеников, между собой брезгливо называющих меня «дочкой дирекца». Больше всего хочется биться головой о стену не из-за клички, лишаящей меня моего «я», а из-за нелепого положения по учёбе, в котором я оказалась. Если учусь хорошо, то всегда обижаются одноклассники. По их косым взглядам после каждого выхода к доске я понимаю: они считают, будто учителя специально завышают мне оценки, якобы так подлизываются к директорисе или просто заранее боятся, что я сама начну их шантажировать горячо любимой мамой, если мне поставят двойку или тройку. Доказывать им обратное нет вообще никакого смысла. Всё равно не поверят.

Тем более что в их словах, наверное, всё-таки есть крупинка правды. Есть парочка учителей, кто будто специально закрывает глаза на мои огрехи, а ведь за них по-хорошему можно было бы снизить оценку на балл. Так и сегодня учительница по литературе Машидат Рашидовна будто бы не заметила, что я запнулась из-за того, что забыла, как по-настоящему зовут Кабаниху. Я чуть было не назвала имя своей матери — хорошо, что спохватилась. Какого-нибудь двоечника — например, Идриса — она бы на этом моменте точно осадила и отправила его обратно, прямиком на «Камчатку».

Опрос закончился. Я села с заслуженной (но не на сто процентов) пятёркой обратно за парту и тут же перестала следить за ходом урока. Сегодня мне не интересно было вступать во всякие дискуссии с одноклассниками и учительницей. В мыслях я возвращалась к тому, что происходило двумя днями ранее. Произошла мама. И теперь всё вокруг — от классики русской литературы до еле слышных диалогов в фойе — напоминает о том, как же сильно на днях она мне испортила настроение. Вот это она действительно умеет делать непревзойдённо.

В её поведении и кроется обратная сторона моего странного положения по учёбе. Одноклассники обижаются, что я хорошо учусь, а она негодует из-за того, что мне не хочется учиться ещё лучше.

И из-за этой её тревожности мы снова поссорились, когда обсуждали моё будущее.

Позавчера репетиторша по биологии написала мне, что разочарована результатами пробника. Понятное дело, что тридцать восемь баллов — это явно не тот результат, которого от меня ожидали. А от меня ждут как минимум крепкие девяносто баллов, если не больше.

Я догадывалась, что мама сама заведёт об этом разговор, а папа-врач, точно поддержит все её аргументы. Кстати, выбрать для сдачи ЕГЭ биологию и химию меня заставили именно с подачи сутками пропадающего на работе отца. Однажды за ужином, на котором мы обсуждали выбор моей будущей профессии, он заявил, что сфера образования — это «яма», а в случае с медициной есть хотя бы какой-то шанс выучиться на достойного специалиста, обрасти связями и принести деньги в дом. А мама с ним согласилась. Похоже, на позиции директора она и сама понимает, в какой «яме» пребывает уже много лет. Помимо этого, доходы с папиной практики и в самом деле составляют большую часть семейного бюджета.

Сидела у себя в комнате на втором этаже. И тут снизу громко и слегка раздражённо раздалось:

— Камилла, сюда иди!

Как бы и сколько бы я ни готовилась к этому моменту, сердце всё равно меня послушалось и застучало в ускоренном темпе. Неспешно спустилась и прошла в залитую ярким белым светом гостиную. Иногда кажется, что родители сошлись именно на любви к белому — один носит по работе белые одежды, другая обожает оформлять весь интерьер в белоснежных тонах. Трудно не слететь с катушек, когда живёшь в такой атмосфере.

— Да, мам? — спросила я, сделав секундную паузу после первого слова.

Она посмотрела на меня своими до невозможности карими глазами, белки которых после, очевидно, напряжённого дня заметно покраснели. Во взгляде читалась не только усталость, но и раздражение. Сидящая в кресле реальная версия Кабанихи перевела взгляд на телефон, бегло просмотрела что-то на экране и наконец произнесла:

— Тридцать. Шесть. Баллов — тянула она — И когда ты мне собиралась об этом сказать? Почему я узнаю об этом не от тебя?

В ответ я закатила глаза:

— Вообще-то тридцать восемь. И я хотела тебе сказать. Просто какая разница, если Мадина Камильевна всё равно всегда тебе дублирует информацию? Ты и так её каждую неделю достаешь, что там у меня и как.

— Ладно, допустим, — вынужденно согласилась она, и, на пару секунд замолчав, прикусила нижнюю губу — но баллы свои как ты оправдаешь? Ты уже с лета занимаешься, а результата — ноль!

— Мам, я только в десятом классе, — огрызнулась я — До ЕГЭ ещё куча времени. Ты же сама знаешь.

Теперь раздражённо смотрела по сторонам уже она.

— У тебя по обществознанию пятёрка? Я не путаю?

— Да, пятёрка — ответила я, удивившись — а какое это отношение имеет сейчас?

— ПРЯМОЕ! — чуть ли не выкрикнула она — если у тебя пятёрка, то у тебя должно хватать мозгов, чтобы понимать, что нам деньги с неба не падают.

— Аааа, — дошло до меня — то есть всё дело в деньгах? Вам с папой просто жалко потраченных на репетиторов денег?

Я с опаской глядела на маму. Мне казалось, что она с её взрывным характером сейчас просто не выдержит и начнёт кричать до потери голоса. Но она, к моему удивлению, сдержала

гнев и от нервов лишь теребила свои каштановые волосы — этой чертой внешности я особенно похожа на неё.

— Дело даже не в деньгах, а в твоём наплевательском отношении, — со вздохом продолжала она — Ты вообще несерьёзно себя ведёшь. А речь о твоём будущем.

Я еле сдерживала ярость:

— Я сто раз уже вам говорила, что я не хочу быть врачом. Мне это неинтересно! Да я не хочу себя заставлять заниматься этой биологией и этой химией. Это вы меня заставляете и только зря тратите деньги. Ты же знаешь, что в одиннадцатом классе я всё равно выберу другие предметы.

— Да-да, конечно, — с ухмылкой ответила она, скрестив руки на груди — выбрось уже из головы свои эти фантазии. Нашлась тут актриса погорелого театра. Я тебе ещё раз объясняю: пока ты живёшь в этом доме на наши деньги, у тебя только одна обязанность — учиться, учиться и ещё раз учиться. Мы разве с тебя ещё что-то требуем? Ты, что ли, тут каждые выходные весь дом вылизываешь или отцу каждый вечер готовишь?

— Ну, — громкость моего голоса готовилась возрасти до запредельной, — я только рада, как ты сказала, учиться, учиться и учиться. И я точно знаю, что хочу стать актрисой.

Последнюю фразу я попыталась произнести с уверенностью, но думаю, что вышло так себе.

А она в ответ лишь рассмеялась:

— Камилла, я поражаюсь просто твоей наивности. Ты много успешных дагестанских актёров видела? Ты туда в большое кино так просто не пробьёшься. И в театрах твоих то же самое. Везде копейки платят, а в Большой или в Мариинку попадают единицы.

— Всё то же самое можно сказать и про мед, — отбивалась я — в обычных больницах много не заработаешь, а в частных места тоже не на всех есть.

— Ну... знаешь, если хорошо учиться, то всё нормально будет. И папа тебе, если что, поможет.

— Да мне не нужна эта помощь! — обиженно и громко, сквозь проступившие слёзы ответила я — Вы с папой будто одолжение мне делаете. Типа заранее говорите: у тебя вообще ничего не получится, но ты не беспокойся, мы тебя пристроим, куда надо.

С этими словами я рухнула на диванчик. Повисло неловкое молчание, которое нарушали лишь мои всхлипы. Хоть я и опустила голову в пол, мне было очевидно, что мама встала со своего кресла и начала обеспокоенно тереть виски, словно она о чём-то напряжённо думала. Это была уже до боли знакомый сценарий — так заканчивалось большинство наших конфликтов. И в тот момент, как и во все остальные, у меня на языке вертелось только одно слово: тиран.

Тут она аккуратно уселась рядом со мной и строго сказала:

— Так. Посмотри на меня.

Я нехотя подняла голову, но старалась смотреть ей куда-то за спину, по-прежнему стесняясь глядеть прямо в глаза. Опасно было на неё орать, но я тем не менее это сделала.

Она продолжила:

— Есть у меня для тебя одна идея. Актрисой хочешь быть, говоришь?

У меня аж дар речи пропал от такого вопроса. Зачем она его задаёт, если уже знает ответ? Поэтому я лишь молчаливо робея, кивнула в знак очевидного согласия.

— Смотри. На нас в этом году повесили участие в региональном конкурсе школьной самодеятельности. Понимаешь, к чему я?

Её слова меня насторожили.

— Не совсем...

— Так вот, — с самодовольной, хитрой улыбкой директрисы продолжила мать — даю тебе шанс проявить себя. Ты и так участвуешь во всяких школьных активностях, так что никого не удивит, если ты в рамках этого конкурса возьмёшься за полную организацию... спектакля,

приуроченного к последнему звонку! Раз ты так горишь этим, организуй всё сама. Сделай всё без моей помощи. И, конечно, сыграй главную роль! Вот тебе свобода действий, раз ты так её просишь.

Кабаниха двадцать первого века аж сияла от сказанного — настолько ей понравилась собственная идея. А я сидела, вцепившись в диван. Очевидно, плохо скрывая накопившую тревогу и страх.

— Ты... ты серьёзно? — запинаясь я — До конца мая осталось от силы три месяца. Как я всё это успею? Что говорить учителям?

— Если захочешь, то успеешь. А с учителями я разберусь. Ты ведь будешь отстаивать честь школы. Они поймут.

— Ну да, ну да. Как только школа узнает, что я буду ставить спектакль и играть в нём главную роль, все сразу начнут стебаться надо мной. Все будут говорить, что я в этом спектакле только из-за того, что я — твоя дочка!

— Может, это и будет, не знаю, — кисло улыбнулась она — но и другого шанса у тебя не будет, Камилла. Или ты делаешь, или нет. А если сделаешь успешно и выиграешь приз, то... мы ещё подумаем над твоим будущим.. Ну, а если нет... ты сама знаешь. Договорились?

Сейчас я была явно не в том положении, чтобы кричать, что у неё нет никакого права заставлять выбирать меня только из этих двух опций. Но я злилась. И меня так взбесила эта несправедливость, что во мне внезапно что-то щёлкнуло и тут же, буквально на считанные секунды вспыхнул азарт.

Я, натягивая улыбку, резко бросила:

— Договорились.

Вчера я весь день не могла ни на чём сконцентрироваться. Меня постоянно одолевали мысли о том, что мне предстоит реализовывать вот настолько масштабный проект. Я с ужасом представляла себе всю эту картину: как мечусь по школе, выискивая потенциальных кандидатов на роли в спектакле, а все вокруг лишь крутят пальцами у виска, а потом, смеясь, этими же пальцами тыкают в меня — странную и заикленную на своих увлечениях ученицу, которая, на их взгляд, ничего не может сделать сама без помощи своей над всеми властной мамки-директрисы.

Насколько была погружена в себя, что в этот день даже не замечала шушукающихся рядом со мной людей, которые с энтузиазмом выдавали однотипные и избитые шутки про меня. Мне кажется, каждый класс рано или поздно распадается на сосуществующие в зыбком перемирии стайки, которые объединяются по интересам. Наш десятый класс не стал исключением. Если раньше, где-то до восьмого или даже девятого класса я могла более-менее нормально общаться со всеми, то потом, уже по мере взросления, внимание мне оказывали всё реже и реже.

Просто со временем общаться с «дочкой директа» стало для остальных чем-то немного... постыдным. Школьники, особенно старшеклассники, плохо относятся к моей матери. Она на своём посту довольно жёсткая и, буду честной, вредная, так что одноклассников и одноклассниц по-человечески я понимаю. Но они ведь не могут ей ничего сделать. Поэтому переносят весь свой гнев на того, до кого могут дотянуться: до дочери-ученицы. И я вообще не в восторге от того, что за различные замечания и вызовы родителей в школу приходится в итоге отвечать мне. Думаю, любая другая девочка на моём месте просто пошла бы и пожаловалась матери: так и так, меня травят. Но я не могу и не хочу этого делать. Идти и жаловаться ей — это значит признать не то, что собственную слабость, а, что ещё хуже, зависимость. Мне же больше всего на свете хочется перестать зависеть от родителей и их решений, которые они то и дело навязывают. И даже если допустить, что я приду и начну ей плакаться, никакой пользы мне это не принесёт. Я уверена в этом на сто процентов. Эффект будет ровно обратным: все продолжат

смеяться надо мной и обвинять меня в том, что я — гнусная ябеда, пользующаяся высоким положением родителя-тирана.

Вот из-за этого всего я и продолжаю удивляться, что Диана до сих пор рядом со мной. Она — моя параллельница и лучшая подруга. Опять же, хотя бы с собой надо быть честной: она единственная подруга. Для того, чтобы со мной дружить, надо уметь плевать на мнение общества — и как минимум это уже вызывает у меня восхищение. Ещё она умеет поддерживать. Если мне надо снять какой-то ролик для школы, она с радостью примет участие вместе со мной. А в моменты, когда мне так и хочется плакать, она внимательно выслушивает. Спокойно, не перебивая и не бросаясь непрошенными советами.

Вчера был как раз такой день. Я ещё перед последним уроком предупредила её, что хочу поговорить с ней на улице после звонка. Она с плохо скрываемой тревогой и с ещё более очевидным живым интересом глядела на меня в ответ, словно гадая, что со мной приключилось на этот раз. Хотя, думаю, всё было довольно понятно: пока остальные девчонки страдают по недостижимым мальчикам из параллелей, других школ и даже колледжей, я страдаю из-за властолюбивой мамули.

— Ну, что там у тебя? Рассказывай — сказала мне Диана, как только мы оказались в укромном уголке на территории школы.

Я обрисовала ей ситуацию, начав немного издалека — с рассказа о том, как же отстойно было писать пробник по биологии для репетиторши. Говорила, как же я устаю от этих валяющихся на меня отовсюду допов, из-за которых у меня не остаётся времени практически ни для чего, что мне по-настоящему интересно.

Диана, как и всегда, внимательно вслушивалась в каждое моё слово. Мне показалось, что я рассказывала слишком бегло и не в меру суетливо, но даже в таком темпе я между делом успела повнимательнее разглядеть подругу. Словила себя на мысли, что в отличие от меня она практически в любой ситуации остаётся необычайно красивой. Её овальное, слегка оливкового цвета лицо приковывало внимание не хуже, чем дома, где на Уразу-байрам раздают чипсы с баночной коллой, приковывают внимание детей¹. Для понимания степени её красоты, наверное, достаточно только этого сравнения, но будет несправедливо, если я не упомяну её пронизательные глаза, выстроенную из ряда ровных, белоснежных зубов успокаивающую улыбку и аккуратную чёлку, которую она по привычке то и дело заправляла за ухо.

Тем временем я так заговорила, что она не выдержала и прервала меня на полуслове:

— Кам, постой... постой. Ты ведь не только из-за биологии меня позвала? Обычно тебе всегда пофиг было на неё, а тут ты вдруг распереживалась. Дело в другом? Я права?

Мне стало неловко и приятно одновременно. Неловко — потому что меня вот так с лёгкостью разгадали. А приятно — потому что в очередной раз убедилась, что Диана реально понимает меня и мои чувства. Даже тогда, когда я увиливаю и ни о чём не говорю прямо.

— Нуу, да... — стесняясь, ответила я.

— Колись, колись — пытаюсь ободрить, улыбнулась она — неужели втрескалась наконец в кого-то что ли?

— Что? — я опешила на секунду, а потом посмеялась в ответ — Нет!

— Ну, а что тогда? Патимат Магомедхановна опять?

Патимат Магомедхановна — это, если что, моя мать.

— Да, она...

Я начала рассказывать ей про то, что мама поставила меня перед фактом: либо я круто организую спектакль, либо навсегда забываю о своей мечте и иду в предварительно ненавиди-

¹ Ураза-байрам — главный мусульманский праздник в году, знаменующий окончание постного месяца. В этот день дети ходят по городу, стучатся в двери, поздравляют людей с праздником и получают от них сладости, конфеты и снежки в качестве подарков.

мый мной медунивер. И вот тут моя речь была ещё более эмоциональной. Обычно я стараюсь держать себя в руках, но тут расчувствовалась, на мгновения забыв, что вообще-то в любой момент тут мимо могут проходить люди и увидеть, что я размахиваю конечностями, верчу головой и, что худшее, плачу. В конце концов я просто обессилила и застыла в молчании на пару секунд.

Подруга попыталась перевести всё на позитивную ноту:

— Нуу, слушай... как минимум один помощник у тебя уже есть, считай — тут она подмигнула — понимаешь?

— Спасибо, но, блин, мне вообще перед тобой неудобно — вздохнув, ответила я — не хочется постоянно ныть, но... так получается. Извини. И не стоит мне помогать, у тебя ведь и так своих дел по учёбе хватает.

— Кам, не переживай — продолжала улыбаться она — Для лучшей подруги время у меня всегда есть.

— Но на тебя ведь тоже давят с этим МГИМО...

— Давай об этом поговорим в другой раз — прервала она меня и переключила тему — Не слышала ничего подозрительного?

Я отрицательно покачала головой. Диана повернулась, сделала пару шагов в направлении стоявшего неподалёку дерева. Неожиданно для меня она окликнула Паркера.

Паркер — это Ислам с параллели, то есть одноклассник Дианы. Я регулярно наблюдаю за их болтовнёй на переменах, но подруга уверяет, что он — просто приятель. И если бы я не знала Паркера (в основном по рассказам Дианы и других людей), то сомневалась бы, стоит ли верить подруге, которая говорит, что она относится к нему как к брату. Он — высокий, атлетично сложенный, зеленоглазый парень с в меру грубым лицом — смотреть на него и правда приятно. Но это и не удивляет — всё же он спортом занимается, как говорит Диана. А единственное, что выдаёт в нём внутреннюю несобранность — это неухоженные, порой всклокоченные тёмные волосы.

Но по словам Дианы, которые подтверждают слухи, он тот ещё фрик. Он постоянно таскает с собой фотоаппарат, почти ни с кем не общается в школе, часто утыкается носом в книжки (он единственный, кто на полном серьёзе ходит в школьную библиотеку), довольно безвкусно одевается и до сих пор таскает с собой мамыны сэндвичи или каши вместо того, чтобы просто, как и все, покупать булочки в столовке или бегать в магазин после уроков. Чаще всего он буквально приходит, «отстреливается» на уроках и уходит — больше ему, кажется, ничего не интересно.

И тут случилось то, что ещё сильнее убедило меня в изначальном мнении о нём. Мы с Дианой подошли к нему и увидели у него в руках тот самый фотоаппарат от Sony, которым он раньше постоянно выпендривался у всех на виду. Оказалось, он проводил тут свою очередную странную съёмку. Диана говорила, что он принципиально не снимает людей, якобы он специализируется на другом типе фотографии. Я же думаю, что это ещё одно проявление его странного характера — как будто он, как и моя мама, упивается доставшейся ему маленькой властью, хочет распорядиться ей по максимуму и этим насолить всем окружающим своей категоричностью.

Посмотрели, что он там заснял. Он и правда снимал то дерево, то небо, то просто округу. На паре снимков совсем чуть-чуть оказались мы. Эти фото он стёр из галереи в нашем присутствии, после чего мы с облегчением разошлись.

Из воспоминаний о вчерашних событиях меня выдернул знакомый голос. Мамин, конечно же. Чей ещё. Но что она делает на уроке?

— Я заберу Абакарову на пару минут, хорошо? — сказала Кабаниха II.

Я прямо почувствовала на себе взгляды одноклассников; взор их перемещался то с меня на мать, то с матери на меня. Они разглядывали нас обеих с любопытством и тайком хихикали.

Так, чтобы мамуля не обратила на это внимание, но в то же время и так, чтобы их эмоции распознала я.

— Мам, что случилось? Для чего меня с урока забирать?

— Сейчас зайдём ко мне в кабинет. Я всё объясню.

Мы шли по коридорам, а я так и понятия не имела, что случилось. Она решила уволиться и первым делом сообщить мне? Позвонила другая репетиторша и пожаловалась на меня? Или неужели она каким-то образом подслушала, что я наболтала Диане вчера после уроков?

Но я никак не ожидала, что дело совсем в другом. Мама достала ключ, открыла им кабинет и пропустила меня вперёд.

Я зашла в кабинет и от неожиданности чуть не подпрыгнула. За гостевым стулом сидел Паркер.

— Знакомься, Камилла — с пафосом объявила Кабаниха II — вот и первый член твоей театральной команды.

Глава 3 // Ислам

Занятие уже подошло к концу, но мы, как и почти всегда, немного задержались для обсуждения не относящихся к нашему делу вещей.

— Ислам, ну, ты прям как Базаров — с улыбкой ответил Тимур — такой же жёсткий нигилист, как и он.

В другой день я как-то писал, что никогда не занимался с психологом. Но, наверное, могу допустить, что в моей жизни эту роль играет Тимур. И как репетитор по литературе и русскому он классный. В нашей семье не принято разбрасываться деньгами, поэтому мама с папой, подключив свою агентурную сеть — многочисленные чаты с родственниками и друзьями в WhatsApp — вышли на студента-филолога, который не мог себе позволить брать за занятия бешеные деньги.

Тимура можно легко спутать с школьником. На его лице всё ещё проглядываются детские черты, хоть ему уже двадцать лет. Проводим занятия мы прямо у меня дома даже несмотря на то, что родители были против — мол, с моральной точки зрения нам очень неудобно, ведь тогда репетитор будет тратить деньги на дорогу. Но Тима (так я его называю только у себя в голове) всегда отшучивается, что ничего он на проезд не тратит, ведь доходит до нас пешком, а это ему очень полезно для здоровья. «Уж мне с моим весом пешие прогулки точно не помешают» — говорит он. Телосложение у него и правда не лучшее: уже заметно пухлый (думаю, как минимум десять лишних кило есть), в очках, форма которых уж точно не придавала серьёзности его внешности и с по-хомячьи большими щеками.

Но я думаю, что за такой несерьёзной внешностью скрывается довольно серьёзный — в хорошем смысле этого слова — человек. Тима — точно не зануда, а обсуждать с ним книги — одно удовольствие. Как минимум, потому что ему не просто интересно выслушать моё мнение по пройденным произведениям. Он ещё и уважает это самое мнение, хоть мой уровень экспертизы явно более поверхностный, чем у него. А свою точку зрения он не навязывает. С упрямством он просит меня запомнить лишь то, что поможет достичь лучшего результата на экзамене. Поэтому он каждый раз бесится, когда я подтруниваю, намекая, что на реальном ЕГЭ в самых ярких эпитетах опишу всё, что действительно думаю о героях очередного классического произведения.

Если говорить честно, то мне вообще-то стрёмно, что помимо своих прямых обязанностей Тима порой заменяет мне друга или старшего брата. Так повелось спонтанно и неожиданно для меня самого — а может, для нас обоих. Просто осенью, когда я только начал с ним заниматься, мы сперва обсудили некоторые общие вещи. Тимур тогда хотел понять, что я вообще собой представляю в плане начитанности и уровня подготовки. Вот он и спросил, какие книги нравятся мне, а какие — моим друзьям. В ответ я выдал длинный (ну, не прям, но минуты три было) монолог про то, что из зарубежной классики мне очень понравился «Граф Монте-Кристо» Александра Дюма, а из русской — «Три толстяка» Юрия Олеши. Когда я закончил свою мини-исповедь, Тимур спросил у меня: «А какие же всё-таки любимые книжки у твоих друзей?» Пришлось признаться, что друзей у меня толком и нет. Ну, есть пара ребят, которые не прочь со мной поболтать на переменах, но не более.

Допускаю, что после такого внезапного признания Тиме просто стало меня жалко, вот он и стал периодически как бы невзначай спрашивать, что у меня нового, как у меня дела и так далее. И вот вроде бы я только рад, что могу обсудить свою жизнь хоть с кем-то, но в то же время не могу перестать себя ругать за то, что я взял и вот так просто раскрылся перед ним — по сути, перед совершенно незнакомым мне человеком. Я знаю Тимура хуже, чем он меня, потому что о своей жизни репетитор мне практически ничего не рассказывает. Возможно, нам просто не хватает разницы в возрасте, чтобы подобно другим учителям он мог уверенно

отвечать на моё нытьё фразами, содержание которых сводилось бы к аргументу «а вот я в твои годы...».

— Нигилист — это же типа человек, который против всех социальных норм? — отвечал я — Вот у нас в школе считается зашкваром участвовать во всём, что дирек организует. И ещё эта её дочка... Так что если я и нигилист, то в этом смысле. А фоткать людей... ну, это не нигилизм.

Тимур прокомментировал:

— Да, какая-то мелочная у вас директриса.

Нет, я не планировал фотографировать Патимат Магомедхановну. Это получилось довольно спонтанно.

Мне лишь показалась забавной ситуация, в которой она оказалась на перемене. Я, вопреки собственному правилу, стоял в коридоре с камерой наперевес и гадал, что бы такого классного заснять сегодня; всё ещё продолжал проводить фотографические испытания на людях. А съёмка ураганом несшейся малышни из пятого класса — то ещё испытание. Не каждому дано круто снимать людей в динамике. Для меня это особая форма искусства, которым можно овладеть лишь со временем, потраченным на постоянную практику.

Но вообще-то в мои планы не входило, что эти самые пятikleшки просто возьмут и собьют директрису, которая аккуратно несла в руках целую кипу разных бумаг. Всё произошло настолько молниеносно, что должным образом среагировать и вернуться в реальность я попросту не смог. Я продолжал по инерции щёлкать всё, что попадало в объектив: момент за секунды до падения, захватывающий дух момент падения, разлетевшиеся по всему коридору листы бумаги, и, разумеется, растерянное и потрёпанное лицо Магомедхановны, уставившееся прямо в камеру. Этим своим шагом она словно пробила четвёртую стену и реанимировала рациональную часть моего мозга, осознав, что я только что сотворил и чем в перспективе мне это всё грозит.

Поистине виноватая школотка воспользовалась моментом и разбежалась, а некоторые, более старшие очевидцы, помогали собирать упавшие вещи, еле сдерживая так и напрашивающийся смех. В таком положении у меня не оставалось просто никаких шансов на прощение. Я уже понял, что весь гнев будет перенаправлен прямо на меня.

И не ошибся:

— Фамилия? Класс? — поднявшись, строго спросила меня директриса тоном, ставившим крест на потенциальном помиловании.

— Гаджиев, из 10 «Б» — ответил я и затаил дыхание.

Что же она сделает? У меня в голове была всего одна догадка. Она наверняка заставит меня удалить фотки, а затем заберёт фотик и отдаст его только в руки моим родителям, перед этим предупредив их, что за следующую подобную выходку меня просто вышвырнут из школы.

— Хм. Понятно. Идём со мной.

Пока мы шли по коридору, раздался звонок на урок, но в ушах стоял совершенно другой звон — тот, что бывает, когда сильно волнуешься. Я никогда раньше не попадал в кабинет директора. Не могу назвать себя самым примерным учеником в школе. Скорее, мне просто везло — я, как и все, время от времени вытворял глупости, особенно когда был помладше. Поэтому было вдвойне обидно, что мой первый залёт случился именно из-за моего увлечения, которое вообще-то не приносит никому никакого вреда. Ещё было боязно — если пахан узнает о случившемся, то точно воспользуется моментом, чтобы отжать у меня вещь, которой я так сильно дорожу.

Наконец мы оказались в кабинете. Она жестом указала мне на свободный стул. Я присел и стал морально готовиться к предстоящей казни.

Директриса, прежде чем начать обвинительную речь, рефлекторно стряхнула с себя невидимые мне пылинки, которые ей, судя по всему, достались после прямого столкновения с полом.

— Так-так-так, Гаджиев... как тебя зовут, напomini? — подчёркнуто серьёзно спросила она.

— Ислам.

— Ислам, такой вопрос: ты для чего в школу приходишь?

Как же бесит этот вопрос! Потому что на него нет правильного ответа. Скажешь «учиться» — и тебя мигом убедят в том, что ты на самом деле врёшь и приходишь заниматься всякой ерундой. А если ответишь каким-нибудь другим словом, то в ответ тебе поцокают языком и отругают за то, что не было произнесено слово «учиться». А ещё попутно внушат чувство вины — типа своим поведением позорю не только себя, но и родаков.

Но это я только сейчас осознаю, анализируя произошедшее. В тот момент я выдал самый очевидный вариант:

— Ну, как и все. Учиться.

— Ага. И как у тебя дела с учёбой?

— Я хорошист.

— Хорошист?

— Ну, почти — неуверенно сказал я — По химии, к сожалению, у меня тройка.

— А какой, кстати, у тебя сейчас урок? Скажу учителю, что я тебя забрала.

— Химия.

Она недовольно посмотрела на меня, словно это неловкое совпадение было для неё чем-то личным:

— Вечно у вас всех проблемы с этими предметами. Лучше бы ты химией занимался, а не вот тем, чем ты промышляешь. Вот скоро запретят эти все гаджеты в школу носить, и хорошо будет. А то уже живёте в этих айфонах.

Я торжествующе возразил:

— У меня нет смартфона. А с камерой в интернете на уроке не посидишь.

Её будто не удивило, что я не хожу с обыкновенной сенсорной мобилой с доступом в инет. Она лишь нервно подвигала бровями и сказала:

— Ну и славно. Фотки ты удалил? Или особое приглашение нужно?

Эх, а я так надеялся, что смогу их оставить! Пришлось расставаться с этими эксклюзивными материалами прямо у неё под носом. Покончив с фотками, я спросил:

— Это всё? Я могу идти?

— Размечтался — со злобной ухмылкой ответила директриса — Давай номер отца!

Такое развитие событий меня не очень устраивало. Этого я допустить просто не мог, иначе моей мечте придёт конец.

— Патимат Магомедхановна, может, не надо? Я же удалил фотографии! Я больше не буду приносить фотоаппарат в школу, только не говорите отцу... пожалуйста...

Унизительно звучит, конечно, но... хотя какие могут быть «но»? Не буду оправдываться.

— Надо было раньше головой думать — ответила она и направилась к двери — а номер я у классной твоей возьму, раз ты сам не хочешь делиться.

И тут я вытворил что-то совсем безумное. Я вскочил с места, обогнул Магомедхановну и преградил ей путь из кабинета. Наверное, я должен был как-то спокойно убедить либо напротив встать на колени и слезливо целовать ноги, но выдать я смог лишь неловкое, но громкое:

— НУ, ПОЖАЛУЙСТА!

Она нахмурилась и уставилась на меня так, словно я вытворил что-то неприемлемое — не поспоришь, я определённо поступил именно так.

— Хорошо, Гаджиев. Но только при одном условии. Выполнишь?

Я на радостях произнёс скороговоркой:

— Да, да! Конечно, сделаю всё, что скажете!

Её то ли позабавил, то ли искренне обрадовал мой ответ. Она сказала мне сесть на стул и ждать её возвращения. Она вышла и закрыла дверь на ключ — видимо, для максимальной уверенности в том, что я никуда не исчезну.

Думал о том, может ли она специально не вернуться и оставить меня в своём кабинете на весь день. Неловко было даже представлять свои крики «ПОМОГИТЕ! ВЫПУСТИТЕ МЕНЯ, КТО-НИБУДЬ!». Вместо этого я сконцентрировался на окружавшей меня обстановке. Кабинет Магомедхановны и близко не был хоромами, но был достаточно просторным, чтобы не страдать от клаустрофобии — и на том спасибо.

Смартфона у меня не было, так что список развлечений во время нахождения в этом импровизированном зале ожидания моей казни был сильно ограничен. Играть в «Змейку» на Nokia-«фонарике»? Как вариант, но собственный рекорд я вряд ли побью. Достать из портфеля учебники и быстро сделать домашку на другой день? Лень. Посмотреть, что есть интересного в этом кабинете? Родители учили, что трогать чужие вещи нельзя, а простыми гляделками себя не развлечёшь. А потом я последовал совету директрисы и подумал головой. Решил, что буду не просто смотреть, а сфотографирую.

Увы, фотографировать оказалось особо нечего. Атмосфера в её кабинете была до невозможности стерильной, будто несколько раз в неделю сюда наведывался клининг и наводил идеальный порядок. Придаться было совершенно не к чему, если не считать собранных мятых (после той самой стычки в коридоре) бумаг, оставленных на рабочем столе. Мне гораздо ближе концепция творческого беспорядка. Тут же всё выглядело ровно так же скучно, как и на бесплатных снимках с фотостоков, которыми обычно сопровождаются новостные заметки на различные темы.

Единственное, что приковало моё внимание — стоящая на том самом столе фоторамка. Я развернул её к себе и увидел фотографию, на которой директриса обнимала... Камиллу. Я давно знал, что она — её дочь, но особо никогда не заострял внимание на этом факте. Но в тот момент — когда я посмотрел на их совместное фото — я удивился ровно двум вещам. Во-первых, Магомедхановна широко улыбалась на этом снимке, что казалось безумно неестественным, ведь в реальной жизни я практически никогда не видел, чтобы она по-доброму улыбалась или от души смеялась. Её максимум — окинуть собеседника иронично-злой ухмылкой. Во-вторых, фото наглядно дало понять, как же они друг на друга похожи. И, судя по всему, это фото было сделано года так два назад, ведь сейчас Камилла выглядела по-другому — не так, как на этой фотке. Было заметно, что она за эти пару лет окончательно превратилась из девочки в девушку. Наверняка проходящие мимо неё на улицах парни и не подозревают, что ей всего шестнадцать, а не двадцать один, как они могли бы подумать на первый взгляд.

Я уже готов был к тому, чтобы на память запечатлеть интерьер этого заурядного кабинета, как вдруг услышал, как за дверью приближаются шаги, а следом — поворачивается ключ в замке. Не знаю, как, но я успел за считанные мгновения отложить в сторону и рамку, и фотик — так, будто я ничего и не трогал.

Дверь отворилась, и... я ожидал чего угодно, но не того, что увидел. Вслед за директрисой вошла Камилла. И тут Магомедхановна объявила:

— Знакомься, Камилла, вот и первый член твоей театральной команды!

Я прифигел от такого заявления. Какой команды? Театральной? Где я, а где театр? Что за бред?

По выражению лица Камиллы я догадывался, что аналогичные мысли появились и у неё на уме. Она их и озвучила. Причём так, будто меня в кабинете вообще не было:

— Мам, ты шутишь? Ты хочешь, чтобы я работала с ним? Как ты себе это представляешь?

Её мать лишь сделала напускное, удивлённое выражение лица и ответила:

— О, так вы уже знакомы? Ещё лучше. Я знаю, что этот молодой человек... — тут она с прищуренными глазами уставилась на меня, словно пыталась вспомнить имя — Эээ...

— Ислам. — напомнил я.

— Я знаю, что Ислам любит фотографировать. Значит, человек он творческий. Вот пусть лучше тебе помогает, а не... — тут она замешкалась — Он сам знает, из-за чего он здесь. Так ведь, Ислам?

Не успел я ответить, как Камилла раздражённо добавила:

— Мда. Кажется, я тоже догадываюсь, почему ты его припахала.

Упс. Видимо, она поняла, из-за чего я здесь, когда увидела лежащую на столе камеру.

— Ну, вот и отлично. Это единственное, в чём я тебе помогла, Камилла. Остальное всё на тебе. Введёшь Ислама в курс дела... а сейчас маршем двигайтесь обратно на уроки!

По тону голоса и мимике директрисы было понятно, что её решение окончательное и обжалованию не подлежит. Камилла со злостью хлопнула дверью и вышла из кабинета, а я поплёлся вслед за ней, но в отличие от неё не проявлял особых эмоций. Она даже не обернулась, и было понятно, что идея матери ей точно не нравится, так что даже разговаривать со мной она не намерена. Но, блин, будет не очень хорошо, если она вот так возьмёт и просто опрокинет меня. Уж лучше хотя бы для галочки что-то пофоткать или поснимать там, чем.. да я даже всякие столы и стулья для декораций готов таскать. Реально лучше это, чем вовсе лишиться камеры, а вместе с ней — потерять возможность снимать хоть что-то. Но я и не думал, что ситуация будет настолько трагикомичной: похоже, надо будет просить Камиллу взять меня к ней на работу (уже стрёмно звучит), а не ей упрашивать меня помочь.

Что на неё нашло? Я настолько увлёкся этим вопросом, что не заметил, как уже чисто по инерции направлялся туда же, куда и она — хотя, очевидно, классы нам нужны были разные, не говоря уже об этажах. Поток мыслей нарушил её же голос:

— Паркер, у тебя вроде другой урок, зачем ты за мной шастаешь?

Вопрос сбил меня с толку. Действительно, зачем? И я выдал в ответ первое, что пришло мне в голову, даже не успев это как следует обдумать:

— Эээ... дашь мне свой номер телефона?

Весь идиотизм сказанного я почувствовал в тот момент, когда взглядом поймал у неё целую гамму эмоций. Кажется, в первые миллисекунды смотревшее на меня лицо стало чуть более острым из-за нахлынувшей ярости. Однако — как бы написал типичный русский классик — её гнев быстро сменился на милость. Но на самом деле это была даже не милость и не милосердие, а, скорее, снисхождение. Ну, типа: «Такой debil этот Ислам, ну и что с него взять?»

— Тебе лень было придумать подкат? — спросила она то ли всерьёз, то ли шутя — Не знала, что ты такой прямолинейный.

— Ты меня неправильно поняла, — я постарался сохранить невозмутимое выражение лица — мне нужен твой номер, чтобы потом написать тебе по поводу деталей твоего театра, ну, или что ты там собираешься устраивать. Я же должен знать, что вообще делать должен.

— Ааа, ну, ты бы так и сказал — ответила она, стеснительно почесав затылок — я тебе скину ссылку на свой ВК. Напиши мне в ЛС.

— Я же там не сижу.

Она с удивлением посмотрела на меня — так, будто я опять как-то странно пошутил. На это молчаливое удивление я ответил не менее безмолвным извлечением Nokia-фонарика из своего кармана.

— Блин, точно, ты же нигде не сидишь — с фальшиво-грустным пониманием сказала Камилла — Давай тогда я лучше запишу твой номер, позвоню, сброшу и ты сохранишь мой.

Мы быстро проделали эти манипуляции, после чего она добавила:

— Мне не пиши, я тебе потом позже сама отправлю эсэмэску — где, что, как и когда. Всё, Паркер, давай, пока, на урок пора.

Эти два предложения она произнесла безумно стремительно, после чего моментально ускользнула в нужный кабинет, даже не дождавшись от меня ответного «пока».

Тимур, выслушав мой рассказ до конца, поинтересовался:

— И она тебе ещё ничего не написала?

Я тяжело вздохнул и ответил:

— Пока нет. Вообще надеюсь, что она просто забьёт на этот свой спектакль, а её маман забудет, что я что-то там ей обещал.

— Ну, смотри сам, меньше домашки из-за этой ситуации я задавать не стану — добродушно рассмеялся Тима — а вообще, попытайся найти в этом плюсы. Всестороннее развитие, всё такое.

Я как-то отмахнулся от этого предложения, после чего мы посмеялись уже вместе. Но Тимур посмотрел на часы на запястье и спохватился; мы сидели уже на двадцать минут дольше положенного.

— Ладно, Ислам. Наше время подошло к концу, спасибо за занятие. И не забудь: на следующий раз по русскому напиши то сочинение. Там тема «героизм» или что-то вроде того.

Я молча проводил Тимура, думая о теме этого сочинения.

Она казалась мне и лёгкой, и сложной одновременно. Потому что я точно знал, о ком и о чём буду писать.

Глава 4 // Камилла

Зачастую люди готовы отвлечься на что угодно, лишь бы игнорировать явления, которые их реально волнуют. Есть что-то мазохистское в постоянном бегстве от тревожащих вещей. От причиняющих боль людей, от страшных и не очень болезней, от данных на эмоциях обещаний, от изнуряющих обязанностей, от неизбежных решений и от неприятной правды. Я слышала, что в ЕГЭ по обществознанию есть задание, в котором из небольшого списка понятий надо выделить слово, обобщающее весь этот ряд терминов. Если провести аналогию, то объединить все перечисленные мной вещи можно словом «проблема». Иногда кажется, что проблемы вечно наблюдают за нами. Вот мы и скрываемся от них, чтобы уж точно не оказаться в их поле зрения.

Помогает ли это? Порой хочется верить, что да. Вот я, например, выбрала самый неочевидный способ отвлечься — вечером засела за решение КИМов по биологии. Хвастаться нечем, скорее наоборот — разбираюсь в предмете я из рук вон плохо, и, честно говоря, не очень хочу разбираться. Но злость — и на биологические задачки, и на себя — здорово помогает избавиться от непрошенных мыслей хотя бы на час.

Но когда прихожу в себя, думаю: «Эй, Камилла, очнись! Ты идиотка! У тебя наконец есть какой-никакой, но, блин, шанс! А ты вот так вот сидишь и прогоняешь тревогу самым странным способом из всех существующих.»

Да, остаётся лишь вспомнить слова отца, которые он любит повторять пациентам: надо лечить причины, а не симптомы. Так что вскоре я послала эти задачки куда подальше, открыла ноутбук и стала просматривать то, что по идее должно было мне поднять настроение. В теории оно же могло мне его испортить — вдруг меня что-то разозлит?

Имею ввиду посты на своей страничке в ВК. Если быть точнее, не на личной странице, а в паблике, куда я периодически выкладываю контент. Это группа, посвящённая нашей школе — там появляются мои заметки и прикольные видео. Вот одно видео — на нём я веду псевдорепортаж об очередном официальном мероприятии. А вот другой видос, на котором я рассказываю родителям о том, что надо больше интересоваться жизнью собственных детей, чтобы они потом не попадались в соцсетях на всяких «кураторов», играющих на их депрессивных чувствах и подталкивающих их совершать плохие вещи с собственным телом. А вот третье видео — то, где идиот-монтажёр всё напутал и написал моё имя с одной «л». И всё же этот ролик мне нравится больше всего, потому что в нём я удачно адаптировала популярный на YouTube формат о «школьных вопросах». Их я задавала учителям — по-моему, получилось довольно смешно. Особенно меня впечатлил молодой информатик, которому аж стало стыдно за то, что автором повести «Станционный смотритель» он назвал Белкина, аргументируя это тем, что произведение входит в цикл «Повести Белкина». За кадром он ещё уморительно спрашивал, можно ли будет вырезать этот фрагмент на финальном монтаже.

Я отдаю себе отчёт в том, что мама, прося (вернее, заставляя) меня делать эти видео, просто пользовалась моим увлечением. Для неё самой этот контент был лишь необходимой цифрой в отчётности, а я — халявной рабочей силой, которой не надо платить денег. Но это, пожалуй, единственно добровольно-принудительная обязанность, которую мне было делать в кайф. На самом деле мне всегда нравилось делать что-то подобное. В садике я выступала на утренниках, в школе продолжаю делать это на торжественных сентябрьских линейках, последних звонках и прочих мероприятиях.

Только вот отношение окружающих к моему артистизму со временем менялось. В детстве родители с гордостью хвалились тем, какая у них яркая, открытая и харизматичная девочка, а родственники восторгались этим и неоднократно просили меня что-то показать или

изобразить. Мелкая я пародировала папу с мамой, школьных учителей, дядь и тётъ, родительских друзей — все были в восторге.

Но с возрастом энтузиазм родных испарился. По мере того, как рос мой интерес к театру и драматургии, похвалы преображались в раздражённые взгляды, призывающие меня прекратить заниматься этим ребячеством и стать уже наконец серьёзной, ответственной девушкой, в чьи планы должно входить успешное окончание школы, обучение почётной профессии и создание семьи. Хорошо, что с последним не напрягали. Папа любит повторять, что он не хочет рано отдавать свою единственную дочь неизвестно за кого в непонятно какую семью. Хоть за это ему спасибо.

Понятное дело, что одноклассники и параллельники тоже не в восторге от того, чем я занимаюсь. Считают, что я просто выпендриваюсь. Но в то же время могу их понять: зачем сидеть на официальной странице школы, если можно читать паблики, созданные самими учениками? Различные «Подслушано» и «Признания» сейчас есть, наверное, у каждой школы в Махачкале, и наша исключением не стала. К сожалению, а может, и к счастью, в паблике с признаниями я до сих пор не видела постов от моих возможных анонимных поклонников. Не то чтобы я на это надеюсь, но иногда интересно погадать, кому я могу нравиться.

Зато было немалое количество комментов про «дочку дирека» в контексте обсуждения моей мамы. Читая их, я ловила себя на странном ощущении. Вот вроде бы и у меня самой есть достаточно причин, чтобы скептически относиться к маме, но меня всякий раз бесит, когда я читаю написанные о ней гадости. Так и хочется залезть в комменты и начать отвечать всем этим хейтерам, но я сдерживаюсь. Наверное, это значит, что несмотря ни на что не могу перестать любить мать. Да, у неё миллион своих загонов и странностей, но она же всё-таки... мама. Но ещё возможно, что это я чисто инстинктивно в желании защитить мать просто хочу защитить себя.

Блин, «инстинктивно»... сразу видно, что я ни черта не смыслю в биологии. На самом деле у людей нет инстинктов.

От побега из реальности меня вытащил видеозвонок. Это звонила Диана. У меня совсем вылетело из головы, что мы сегодня договаривались поболтать. Я спешно вставила в уши EarPods, устроилась у себя на кровати и наконец приняла звонок.

— Привет! — смотрело на меня с экрана сияющее лицо Дианы — Надеюсь, я тебя не разбудила?

— Не-не, — начала успокаивать её я — рано же ещё спать. Просто домашку делала. Теперь отдыхаю. Как у тебя дела?

— О, у меня хорошо. Сегодня по общаге хорошо написала вариант с РЕШУЕГЭ. Уже стабильные 60-70 баллов набираю.

— Ооо, поздравляю! — сказала я — Если так и дальше пойдёт, ты через год в списках на поступление в МГИМО точно первой будешь.

— Ой, ну, будем надеяться, конечно — со смехом сказала она, а потом переключилась на серьёзный тон — но, честно сказать, иногда хочется забить на всё, ничего не делать, никуда не поступать.

Я не ожидала это услышать, ведь Диана — тот человек, который предпочитает обрабатывать все переживания только в своей голове. Но я знала, что ей и правда непросто. Её цель — поступить на направление «Связи с общественностью» факультета международной журналистики МГИМО. Проблема даже не в том, что для зачисления надо набрать гигантское количество баллов. Всё, как и у меня, упирается в родителей. Но если меня готовы, посмотрев сквозь пальцы, отправить учиться в другой город хотя бы на врача, то Диане родители и мечтать запрещают о потенциальном переезде. Вернее, не запрещают, а...

— Я им пока говорю, что, конечно, буду поступать здесь, но ещё не определилась, куда и на какое направление. Они мне на мозги капают с этими вопросами, а я даже сказать не могу, что вообще не хочу здесь учиться — необычайно взволнованно рассказывала она — Я же знаю, что они будут против. А если они против, какой смысл мне вообще столько заниматься? Можно набрать баллов 200, как и все, и не париться.

— Откуда ты знаешь, что они так скажут, если ты даже не спрашивала? — поинтересовалась я у неё — Времени ещё много, всё может измениться.

— Камилла, иногда ничего не нужно спрашивать, чтобы что-то понимать — раздражённо буркнула подруга — Я просто вижу, слушаю и чувствую. И знаю, что они никуда меня не отпустят.

— Ну, как знаешь — прокомментировала я.

Похоже, Диана сразу поняла, что перегнула палку. Она спохватилась, улыбнулась и спросила:

— А как у тебя дела? Как твой спектакль? Если что, могу помочь тебе.

Подозреваю, что она ясно услышала мой вздох. Я в общих чертах рассказала ей, что произошло вчера между мной, мамой и Паркером. Диана здорово оживилась, когда услышала всю историю.

— Ааа, он поэтому сегодня таким задумчивым был, — отметила Диана — как будто из-за чего-то не очень-то и хотел приходить.

— Ну и хорошо, что не хочет приходить, — ответила я — пусть просто забьёт на это.

— Почему? — удивилась подруга — Тебе, что, не нужна помощь?

— Мне нужна помощь. Просто мне не нужна его помощь. Чем он вообще может помочь? Опять будет снимать, как я рыдаю?

— Кам, брось — возразила Диана — Ты про тот случай? Не тебя он снимал, наверное. Да и Ислам — нормальный чел, умный. Он книжки читает, например, чего не скажешь о других пацанах. И на самом деле много чем может помочь. Декорации потаскать, распечатать что-то. Красивые фотки с выступления вам нужны будут, в конце концов.

— Сейчас ты его защищаешь только потому, что он... — тут я на мгновение осеклась — ... твой друг. А обычно ты, наоборот, странным его называешь.

В порыве эмоций я чуть ли не обвинила Диану в том, что этот Паркер ей и впрямь нравится. Это даже звучит смешно, будто испытывать к нему чувства означает совершить преступление против человечества. С чего у меня вообще такие мысли? Наверное, потому что с этим Исламом она разговаривает чаще, чем с каким-либо ещё чуваком, но вообще никаких оснований шипперить их у меня не было. Ладно. Хорошо, что я вовремя остановилась и переформулировала.

— Вот именно, я знаю его лучше, чем ты, — невозмутимо ответила Диана — так что не недооценивай его. Странности есть у всех, а помощь никогда не помешает. Ты уже разговаривала с ним по поводу проекта?

— Нууу... — еле выдавила из себя я, вспомнив, что вообще-то обещала Паркеру отправить эсэмэску — Ещё нет.

— Чего ждёшь тогда, Кам? — спросила подруга — Действуй. У тебя ведь осталось всего несколько месяцев. Точнее, у нас. Я ведь тоже в деле.

На последних словах она улыбнулась.

Диана убедила меня: надо всё-таки ему написать. Наверное, я ничего не потеряю, если мы поработаем вместе. Подпитывала мою нерешительность и боязнь того, что больше никто не станет мне помогать с постановкой. Можно подумать, что я могу попросить маму дать по школе официальный клич, оповещающий о наборе в организационную группу и театральную труппу, однако мне не капли не хочется пользоваться своими печально известными связями.

Лучше обойдусь без этого, потому что знаю: мама и впрямь ждёт, что я сама приползу к ней с опущенными руками и попрошу о помощи, а ещё лучше — просто признаю, что у меня ничего не получится, и откажусь от мечты.

Нет уж. Выбирая из этих двух зол — тиранши-директрисы и придурковатого фотографа — я выберу Паркера. Пусть пашет, раз он уж так чем-то облажался перед маман.

Я собралась с духом и принялась набирать сообщение.. И даже этот процесс стал проблемой, потому что я понять не могла, в каком тоне мне вообще писать. Попробовала в строгом, официально-деловом — выглядит просто по-идиотски. Я ведь не Татьяна из «Евгения Онегина», чтобы писать письма в подобном тоне. Стёрла и набрала текст так, как пишу его обычно — с ленивой пунктуацией, неформальным обращением, позитивными скобочками и без заглавных букв. Нет, тоже не подходит. Лучше замиксовать эти два стиля во что-то промежуточное.

Я корпела над этим коротким текстом где-то полчаса, что мне совершенно не нравилось. Успокаивало одно: это ведь эсэмэска, а не соцсеть, в которой человек явно видит статус «ПЕЧАТАЕТ».

В итоге у меня получилось такое:

«Паркер, привет! Это Камилла. Пишу по поводу спектакля, который нам уже надо начать организовывать. Нужно подумать над тем, какой вообще спектакль поставить — возможно, у тебя найдутся какие-нибудь свои идеи на этот счёт. Ещё нам надо решить, в какой день мы проведём кастинг и кого ещё отберем в помощники. Ну, и в принципе надо договориться, как, в каком режиме и по какому графику мы будем работать. Предлагаю встретиться завтра после уроков в актовом зале и всё это обсудить»

Выдохнула и нажала на кнопку «Отправить». Сообщение моментально дошло до адресата.

Уведомление я получила уже за ужином, где-то спустя час. Я не выдержала и жирной от куска пиццы рукой нетерпеливо подняла телефон со стола, чтобы прочитать ответ.

С экрана на меня смотрело лаконичное, безразличное и выведенное через Caps Lock слово.

«ОК.»

Этот придурок мог хотя бы поздороваться в ответ. Кажется, весёлая меня с ним ждёт работа.

Глава 5 // Ислам

По средам школа становится для меня худшим местом на планете.

Именно в этот день недели у нас проходят те уроки, которые я терпеть не могу. Вообще-то мне не нравится большинство предметов. По истории мне больше всего не нравится учить бе

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.